

тельно меньше, чем произведений на другие темы, например икон в собственном смысле слова. Но ведь жизнь с ее потребностями и интересами отражалась в искусстве не одними только политическими темами: уже было отмечено, что искусство древней Руси обращалось и к бытовым темам, и к портретным изображениям. Вдумчивое изучение сохранившихся произведений искусства обнаружит многообразные связи этого искусства с жизнью. В памятниках религиозной живописи, в частности, оно покажет, как в традиционные темы художник вносил долю своего толкования, в котором отражались идеи и идеалы его времени,⁸⁴ и как, например, образами святых он придавал те или иные характерные черты своих современников.⁸⁵

Обращение художника древней Руси к политическим, историческим, бытовым темам не следует рассматривать как отступление от неких принципов, которые, по представлению тех или иных исследователей, лежали в основе древнерусского искусства, каквольное нарушение художником установленных традиций. Для такого утверждения нет оснований. Заметим снова, что обращение к указанным темам не означало отхода от условности трактовки форм, но, напротив, в ряде случаев, как это было показано, условность изображений становилась более значительной.

В вопросе об отношении древнерусского искусства к действительности главным являются все же не темы последнего, как бы жизненно важны они ни были для своего времени, а немногие примеры более или менее точной передачи характерных признаков тех или иных предметов, несмотря на то, что и указанные темы и отмеченная точность изображений отдельных предметов очень важны для правильного истолкования искусства древней Руси. В самом деле, те же самые темы могли быть изображены совершенно иначе и та же степень точности могла быть достигнута иными средствами. Изображения, например, могли бы быть трактованы более реально и вместе с тем менее достоверно. Это, впрочем, древнерусское искусство и сделало в последнем столетии своей истории. Живопись XVII в., подготовившая наступление новой эпохи, изображала предметы более реально, чем прежде, но вместе с тем часто подменяла действительность неким условным миром, представляя, например, русских воинов в облике древнеримских солдат и т. п. Относительно более реалистичные в передаче форм и совершенно недостоверные в историческом смысле, подобные изображения представляют собою полную противоположность изображениям XI—XII вв., относительно очень условным по стилю и вместе с тем во многих отношениях очень достоверным.

В центре исследования поставленного вопроса должен, следовательно, стать характер художественного образа. Нужно разъяснить причину сочетания верной передачи одних качеств изображаемых предметов и явлений с искажением или полным игнорированием других качеств этих предметов, например, таких, как объем, материал, пропорции (которые почти всегда изменяются) и пр. И что то же, — разъяснить сочетание достоверности изображения одних предметов с совершенно условной, подчас фантастической передачей других, например, горных скал и архитектурных сооружений, которые составляют пейзажный фон композиций, но не имеют ничего общего с русской природой, русской архитектурой (за отдельными исключениями) и своей стилизацией нередко далеко отходят от реальных форм вообще.

⁸⁴ Ср.: В. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. Византийский временник, т. VI. Изд. АН СССР, 1953.

⁸⁵ Ю. Дмитриев. Древнерусское искусство, стр. 8—9, 13—14, 34 и др.